

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГЕНОТИПА РОССИИ

Х. А. Кобелева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2018 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию вопроса о генотипических особенностях формирования гражданского общества в контексте развития российской социально-политической системы. В статье анализируются основные формы проявления политического генотипа гражданского общества, раскрывается «генетический» механизм политико-культурной преемственности.*

Ключевые слова: *гражданское общество, менталитет, политический генотип, политическая культура, политические традиции, политическое развитие.*

Abstract: *the article is devoted to the issue of genotype features of formation civil society in the context of the russian socio-political system changes. In this article analyzing the main forms of existence of civil society's political genotype and explored «genetic» mechanism of political culture succession.*

Key words: *civil society, mentality, political genotype, political culture, political traditions, political development.*

Как показывает политическая практика, в периоды глубоких системных преобразований, когда институциональные изменения не находят прочной субъективной основы, актуализируются вопросы о возможностях и адаптивности политической культуры, о ее «политическом генотипе». На сегодняшний день опубликовано немало работ, посвященных исследованию политического генотипа России, в которых по-разному рассматриваются политические традиции, особенности менталитета россиян [1–5].

В данной статье под «политическим генотипом» мы будем понимать сложную систему взаимодействующих между собой элементов, определяющих состояние, возможности изменчивости, развития, а также степень адаптации политической культуры конкретного общества.

Применительно к гражданскому обществу необходимо обратить внимание на то, что в России и на Западе были созданы неодинаковые условия для его формирования. Так, в развитых странах Запада (например, в Англии, Франции, Германии, США) оно проходило на основе эволюционного развития и постепенного накопления демократических традиций, экономических и политических свобод, их институционализации и закрепления в массовом сознании граждан. В России его формирование происходит в условиях, когда на предшествующих этапах развития страны утвердился резкий разрыв между декларируемыми, формальными принципами (например, относительно прав и свобод человека) и реальными общественными отношениями.

Поэтому нам нельзя слепо копировать западный опыт и механически переносить его на российскую почву, на которой он не всегда приживется. Но в то же время многовековую практику других народов необходимо использовать, учитывая при этом специфику российского общества, российской государственности и их взаимоотношений. Важно лишь не допускать в этом ни бездумного подражательства, ни высокомерной замкнутости.

По поводу наличия в России предпосылок формирования гражданского общества существуют различные точки зрения. Так, одни видят основания российского гражданского общества в крестьянской общине, православной идеологии и, соответственно, требуют восстановления соборности, общинности и других, на их взгляд, позитивных и присущих только русским черт дооктябрьского прошлого; другие считают, что гражданского общества в пространствах Российской империи и СССР не существовало и его нужно формировать «с нуля». Правда, и здесь нет единства: то ли нужно опираться на опыт Запада, воспринимая «готовые» идеи, принципы и институты, или отказаться от этого, демонстрируя самобытность и опираясь на традиции с учетом российских условий [6–9]. При этом не стоит забывать, что идеал гражданского общества в различных пластах истории России имел свои особенности.

Во-первых, государственное начало в России, по крайней мере с XV–XVI вв., являлось главным двигателем общественных процессов. Именно государство в России стало создавать или «разрешать» те или иные ячейки гражданского общества. Но именно оно же тормозило их деятельность, что затрудняло

закрепление в психологии русского человека привычки к самостоятельному, инициативному поведению.

Во-вторых, недостаточное развитие частной собственности, стимулов для сельскохозяйственного труда, предпринимательства.

В-третьих, общинность и реформы, задумывавшиеся сверху, укрепляли многовековую традицию россиян (вероятно, идущую от татаро-монгольского периода) склоняться перед властью, с большей готовностью исполнять приказы, чем проявлять инициативу. При этом традиция авторитарной централизованной власти и готовность граждан подчиняться ей существует и в современной России. Россия, уходящая истоками своей культуры в Византийскую империю, на многие столетия установила единовластие князя, сменившееся затем самодержавием царя и переросшее в культ личности вождя в обществе. Непродуманные реформы 1990-х гг., острая потребность в стабильности актуализировали ориентацию россиян на политику так называемой «сильной руки». Как следствие, на сегодняшний день стабильность, закон и порядок снова стали доминирующей идеологией в сознании российских граждан, а могущество страны устойчиво связывается с сильным лидером и сильной властью.

Принято считать, что элементом гражданского общества в свое время являлась община, поскольку в Древней Руси XI–XII вв. она оставалась незыблемой и за несколько десятилетий с начала XII в. настолько окрепла, что пересилила княжескую власть, подчинив ее полностью вече. В новгородской и псковской политической жизни того времени просматриваются атрибуты гражданского общества. По существу здесь вече было носителем верховной власти. Оно выбирало всех должностных лиц. Князь был лишь наемным должностным лицом.

В середине XVI в. в России появились Земские соборы, основой деятельности которых являлось коллегиальное управление. Одни считают, что при всем своем несовершенстве Земские соборы являлись одним из элементов гражданского общества, выступали политическим оппонентом единовластия в России. При Иване IV Грозном окончательно утверждается царский режим, суть которого состояла во всеобщем и безусловном подчинении ему всех сословий и всех властей. Но и в этих условиях возникает первое самоуправление на местах. Это губернское и земское самоуправление, избираемое сельской общиной. Однако некоторые ученые считают, что сущность земского самоуправления XVI в. заключалась не столько в самоуправлении, сколько в выполнении государственных приказных поручений, перелавившихся с военно-служилых людей на местных выборных. И в таком

виде земское самоуправление не служило и не могло служить основой для формирования гражданского общества в России.

В эпоху царствования Петра I появляются коллегии, Сенат. Екатерина II допускает созыв городских собраний. Но, вероятно, о «зарождении» элементов гражданского общества можно говорить не ранее последней трети XVIII в. В период царствования Александра I возникают отдельные сферы гражданской жизни, не связанные с государством. Частная жизнь светского общества начинает протекать в салонах, клубах и других относительно самостоятельных учреждениях. После реформ Александра II гражданское общество формируется в виде земств, различных союзов предпринимателей. Кроме того, начался процесс становления среднего класса – социальной базы гражданского общества. Средний класс быстро пополнялся за счет дворянства, которое после реформы 1861 г. в большинстве своем разорилось и вынуждено было искать другие источники дохода. Также дворянство в условиях огосударствления общественной жизни николаевской России могло занять пустующее место организованной буржуазии, ставшей на Западе основой гражданского общества. Но дворянство оказалось неспособным исполнить нетрадиционную для себя роль.

Император Николай II не желал поделиться властью с нарождавшимся третьим сословием и осуществлять назревшие реформы вместе с владельцами капитала, промышленниками и фабрикантами. Но в то же время российская история знала и думский парламентаризм. Хотя Государственным Думам в России начала XX в. не везло (три из четырех были распущены самодержавием), они все же проделали немалую положительную работу. Так, первый двухпалатный «парламент», появившийся в России в начале XX в., несмотря на сословную ограниченность и узость своей компетенции, являлся представительным учреждением народа, в котором действовала оппозиция, выдвигавшая альтернативные пути демократического развития страны. Но война 1914 г. обострила все противоречия российского общества и государства и привела к революционному изменению политического строя.

Октябрьская революция 1917 г., по существу, не затронула принципов организации общества, но вместо сословной структуры была введена статусная. Общество, как и прежде, основывалось на отношениях власти. Правящим классом стала партийная номенклатура, присвоившая себе право распоряжаться средствами производства. Остальное население превратилось в государственно-зависимых работников. В силу незрелости гражданского общества государство оказалось единственной силой, способной решить проблемы форсированной индустриализации,

культурной революции, сохранить целостность и независимость страны.

В 1917 г. в России основой нового общественно-государственного строя стали Советы. До 1936 г. Советы избирались непосредственно на предприятиях. Депутаты Советов находились в зависимости от своих избирателей, получали от них наказ. Имела место система отзыва депутатов. Но постепенно в силу разных причин объективного и субъективного порядка (ожесточенная борьба за власть, подмена советских органов партийными, принижение роли депутатов и др.) основы гражданского общества подверглись ограничениям, а затем были лишены своего главного предназначения – обеспечивать условия для решения самим народом своих собственных проблем. Некоторые ученые считают, что именно отсутствие эффективно действующего гражданского общества в Советской России способствовало установлению и закреплению тоталитарного режима в стране.

В социалистической общественной системе элементы гражданского общества были поставлены государством в такие условия, при которых возможность их функционирования как полноправного актора была заблокирована самим фактом существования социалистического государства. Вот почему эти элементы в большинстве своем формировались прежде всего как феномен, целью которого было уничтожение социалистического государства. Не борьба с отдельными недостатками государственного аппарата, не улучшение имеющегося типа социальной реальности, а полное разрушение всей системы общественного строя с диктатом всемогущего государства – вот что стало целью элементов гражданского общества.

Отсутствие условий для нормального существования в легальной сфере общественной жизни, а также реальных перспектив когда-нибудь этих условий достигнуть привели к искажению их сущности, гипертрофировав и абсолютизовав столь несвойственную любому нормально функционирующему гражданскому обществу функцию разрушения.

После роспуска КПСС в стране возникли партии, которые были лишены исторической преемственности и соответствующего политического опыта, что сразу же определило их ограниченные возможности эффективно выполнять функцию посредника между властью и обществом. Многовековые «государственнические» традиции России продолжали доминировать.

Таким образом, в период существования СССР гражданское общество как институт, обеспечивающий гражданские, политические и экономические права индивида, было не нужно, поскольку ослабляло процесс управления. Поэтому оно как один из

источников, порождающих стихийность, было фактически исключено из общественной жизни, лишено статуса гаранта демократии. В данном случае особенность политического генотипа гражданского общества в России состоит в том, что, вышедшее из недр административно-бюрократической системы, оно находится в аморфном состоянии. В силу этого, несмотря на демонтаж тоталитарных институтов, доминирование политической системы над гражданским обществом продолжается.

Как отмечал Н. А. Бердяев: «Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. Требования государства слишком мало оставляли свободного избытка сил. Вся внешняя деятельность шла на службу государству» [10, с. 5–6]. Поэтому в психологию русского народа «вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей». Эти замечания Н. А. Бердяева показывают, что демократические ценности не могут легко и быстро войти в менталитет российского народа после многовекового существования страны в условиях системы жесткой политической власти. Это нашло свое подтверждение на этапе начала истории современной России.

Значительный отпечаток на процесс формирования гражданского общества накладывает также форсированный характер процесса модернизации в современной России, когда в сжатые сроки одновременно решаются задачи, доставшиеся от исторически различных этапов. Изменение материального положения различных групп населения приводит к слишком быстрой и радикальной трансформации социальной структуры. Это обстоятельство порождает напряженность и конфликты государства с различными социальными группами.

К тому же финансовый диктат делает независимые масс-медиа все более zaangażированными, поэтому зачастую «голос» гражданского общества почти не слышен. Предприятия среднего и мелкого бизнеса, которые составляют «живую ткань» гражданской жизни, либо поглощаются крупными, сращенными с государственным аппаратом финансово-промышленными группами, либо умирают под действием налогового и финансового прессинга государственной власти. В результате уничтожается конкурентоспособный сектор «малой экономики», а вместо главных принципов гражданской жизни (конкуренции, индивидуализации и сотрудничества) утверждается монополизм экономической и политической власти.

По своей сущности гражданское общество имеет этнорегиональный характер, и, пожалуй, нигде это не ощущается столь отчетливо, как в евразийской

полиэтнической России. Разрыв в степени зрелости и по уровню развития гражданских отношений в различных регионах слишком велик (достаточно сравнить, к примеру, жизнь в мегаполисах типа Москвы, Санкт-Петербурга и существование в глубинке Приморского края). Указанное обстоятельство затрудняет развитие гражданского процесса на политическом пространстве современной России.

Таким образом, как видим, в России неразвитость институтов гражданского общества, патернализм россиян, низкий уровень развития и неэффективность системы самоуправления, «самодержавность» власти, бюрократический характер государственного управления сохраняются и воспроизводятся на различных этапах политической истории страны. Поэтому самому государству также многое предстоит сделать, чтобы оно могло стать гарантом поступательности процесса развития гражданского общества в современной России, создать надежные правовые, экономические, политические и культурные предпосылки для самореализации индивидов и групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бызов Л. Г.* Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюция социально-политической системы / Л. Г. Бызов. – М., 2013.

Воронежский государственный университет
Кобелева Х. А., кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии
E-mail: hristianak@gmail.com
Тел.: 8 (473) 221-27-43

2. *Лукин А. В.* Умом Россию понимать. Постсоветская политическая культура и отечественная история / А. В. Лукин, П. В. Лукин. – М., 2015.

3. *Омельченко Н. А.* История государственного управления в России / Н. А. Омельченко. – М., 2005.

4. *Фурман Д.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем / Д. Фурман. – М., 2010.

5. *Карпова Н. В.* Социология политической культуры современной России / Н. В. Карпова. – М., 2012. – С. 9–12.

6. *Пуляев В. Т.* Движение к гражданскому обществу: российский вариант / В. Т. Пуляев // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 1.

7. *Nicols T.* Russian democracy and social capital / T. Nicols // Social science information. – 1996. – Vol. 35. – № 4.

8. *Ohr N.* Social capital in Rural Russia: legacies of the soviet era / N. Ohr // The Kennan' Institute for advanced Russian studies. – Washington, 1997. – 26–27 September.

9. *Петухов В. В.* Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян / В. В. Петухов // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6.

10. *Бердяев Н. А.* Россия и русские / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Русский народ. Богоносец или хам? (Философский поединок) / Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский. – М., 2014.

Voronezh State University
Kobeleva Ch. A., Candidate of Political Sciences, Lecturer of Sociology and Political Science Department
E-mail: hristianak@gmail.com
Tel.: 8 (473) 221-27-43